

ГЕОРГИЙ КУНИЦЫН

Девять писем
«архитектору перестройки»
Яковлеву

Георгий Иванович Куницын Девять писем «архитектору перестройки» Яковлеву

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57120285

Г. И. Куницын. Девять писем «архитектору перестройки» Яковлеву:

Издательство «У Никитских ворот»; Москва; 2020

ISBN 978-5-00170-024-1

Аннотация

Эти «Письма» принадлежат перу замечательного, особенного человека – профессора Куницына Георгия Ивановича. Он родился в 1922 году в глухой сибирской деревне Куницыно Иркутской губернии, в семье грузчика и уборщицы, а закончил жизнь академиком РАЕН, доктором наук, профессором Литературного института им. Горького и музыкальной академии им. Гнесиных. С 1961 по 1966 гг. работал в ЦК КПСС. Был убран из ЦК за отказ от должности министра кинематографии. От него потребовали осуществления репрессивной идеологической политики в отношении наиболее талантливой творческой интеллигенции СССР. Борьбы именно с теми художниками, которых он все пять лет работы в ЦК поддерживал и ограждал от окриков. С А. Н. Яковлевым Георгий Куницын познакомился ещё в 1957 году, в аспирантуре Академии общественных

наук при ЦК КПСС. Почти одновременно они пришли и на работу в ЦК. Куницын – в отдел культуры, а Яковлев – в отдел агитации и пропаганды. «Письма» Георгия Куницына к идеологу «горбачёвской перестройки» Александру Яковлеву – беспрецедентный документ новейшего времени, не знающий себе аналогов по искренности, исповедальности, нравственному значению и документальной достоверности. Книга подготовлена к печати и публикуется сыном Георгия Ивановича Куницына – Владимиром Куницыным. В оригинальной авторской редакции.

Содержание

Предисловие	6
Письмо-введение	12
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Георгий Куницын

**Девять писем «архитектору
перестройки» Яковлеву**

© Куницын В. Г., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2020

* * *

Предисловие

Предлагаем вниманию читателей уникальную, а для многих, возможно, сенсационную книгу – «Девять писем» моего отца «архитектору перестройки» Александру Яковлеву, ближайшему соратнику и идеологу Михаила Горбачёва, первого и последнего президента СССР.

Автор писем – доктор философских наук, профессор музыкальной академии им. Гнесиных и Литературного института им. Горького, академик РАЕН – Георгий Иванович Куницын трудился над ними с 1992 года до конца жизни (1996 г.), не успев завершить работу. Ушёл из жизни и адресат послания – бывший член Политбюро КПСС, академик РАН А. Н. Яковлев (2005 г.).

Но историческое и нравственное содержание данной публикации со временем не утратило своего значения.

Важным обстоятельством является то, что Куницын и Яковлев познакомились ещё в далёком 1957 году, будучи аспирантами в Академии общественных наук при ЦК КПСС. И оба были приглашены на работу в ЦК практически одновременно, в 1960–1961 годы. Куницын – в идеологический отдел (затем в отдел культуры), а Яковлев – в отдел агитации и пропаганды.

Много общались, поскольку были почти одногодками, оба инвалиды ВОВ, оба из простых семей, из глубинки – внешне

похожие судьбы. Да и по карьерной лестнице поднимались в унисон. Но как по-разному поднимались! И как по-разному карьерой своей распорядились!

Имя Георгия Куницына стало известно в среде творческой интеллигенции СССР к середине 1960-х годов, когда прокатилась воодушевлённая молва о том, что в грозных недрах ЦК КПСС объявился на ответственном посту в отделе культуры новый человек, какой-то никому не известный сибиряк! И этот, мол, сибиряк Куницын отчаянно смело принимает решения в пользу творческих работников, не считаясь с партийной конъюнктурой: то разрешает снимать фильм по «сомнительному», уже отвергнутому чиновниками Госкино сценарию – «Берегись автомобиля»; то помогает выходу спектакля «Павшие и живые» Ю. Любимова в театре на Таганке; в театре им. Вахтангова одобряет постановку пьесы «Римская комедия» (Дион) драматурга Л. Зорина, зная, что в БДТ Г. Товстоногова эта постановка уже запрещена ленинградским партийным руководством сразу после премьерного спектакля; иницирует (под личное поручительство) первый выезд за границу Андрея Тарковского, к этому времени уже снявшего «Иваново детство», на международный кинофестиваль; «выпускает» в командировку в США совсем молодого Евгения Евтушенко, поддерживает А. Твардовского, О. Ефремова, И. Смоктуновского, Р. Быкова, Л. Шепитько, Э. Климова и многих других писателей, кинорежиссёров, театральных деятелей; и наконец делает всё

для того, чтобы выдающийся фильм А. Тарковского «Андрей Рублёв» получил финансирование и был снят.

Открыто и бесстрашно утверждает Куницын собственной практикой, что нормальные и плодотворные взаимоотношения между партией и творческой средой возможны! Более того – такими и обязаны быть.

Но не тут-то было...

В 1966 г. партийная верхушка применяет испытанный, давно и любовно отработанный иезуитский приём: Г. Куницыну предлагают пост министра кинематографии СССР, но с условием, что на этом посту он «решительно разберётся» именно с теми творцами и художниками, которых поддерживал и продвигал все пять лет работы в недрах ЦК.

Наступил «момент истины», который предрешил всю последующую жизнь Куницына: лично члену Политбюро М. Суслову («серому кардиналу» при Л. Брежнев) он заявляет, что его руками эта программа проводиться не будет... «Не будет твоими – проведём другими!» – так, должно быть, рассудил Суслов, и вместо Г. И. Куницына назначили министром кинематографии Ф. Т. Ермаша, бывшего подчинённого Куницына.

Ермаш положил фильм А. Тарковского о Рублёве «на полку» сразу, как только сел в кресло, на пять бесконечных (для автора фильма) лет; притом, что Г. И. Куницын перед скандальным уходом из ЦК в 1966 году успел всё же присвоить картине высшую, первую категорию.

Но в публикуемых письмах одного бывшего партийного чиновника к другому партийному чиновнику, что само по себе – редчайший случай, есть удивительная и даже исключительная особенность.

Георгий Куницын, человек, **осознанно и добровольно** пожертвовавший блестящей карьерой ради выстраданных принципов и нравственной позиции, человек безупречной репутации в глазах творческой интеллигенции России, – единственный из возможных людей получил самой судьбой право говорить со своим когда-то товарищем исповедально, с предельной прямоотой, поднимая разговор на высочайший уровень взаимной ответственности за Отечество.

Фактически – это письма человека, попытавшегося на практике стать реальной АЛЬТЕРНАТИВОЙ тому, что с годами олицетворял своей карьерой «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев. Из публикуемых здесь «Писем» неопровержимо возникает портрет политического деятеля, в результате усилий которого (и имя им – легион!) страна угодила в «геополитическую катастрофу», аналогов которой в истории нет.

Да, эпоха Брежнева категорически не приняла альтернативы таких, как Куницын, предлагавших открытую поддержку всего талантливого и честного в искусстве и культуре, поскольку именно такие искусство и культура прежде всего помогают обществу в целом развиваться нормально не только в духовном, но и в материальном планах.

Эта эпоха выбрала не «куницных», а «яковлевых». И «героическая ссылка» Яковлева послом в Канаду, как следует из «Писем», – это всего лишь наказание за выбор им не брежневской мафии, а шелепинской. Яковлев стал «жертвой» не «кровавого режима», а внутривластной разборки противоборствующих кланов в верховной власти, в недрах самого режима. Как говорится – почувствуйте разницу!

Эта власть, власть по преимуществу безграмотных и ограниченных руководителей СССР, и потащила великую страну к пропасти, прикрываясь, как фиговым листком, лозунгами о коммунизме и ничего не смысля в марксизме, не зная его и боясь, насаждая в «науке о марксизме» догматизм и начётничество, поощряя ортодоксов и идейных лакеев, обслуживающих полуграмотную «партийную верхушку» в их пусто-порожней демагогии.

Таких, каким и был, судя по публикуемым «Письмам», А. Н. Яковлев; умный, образованный, но потому и наиболее опасный в руках беспринципной власти, которой он беззаветно-корыстно служил и «до», и «после» так называемой «горбачёвской перестройки».

«Письма» впервые публикуются отдельной книгой и в полном объёме. Небольшие фрагменты их обнародованы мною в 1996–1997 гг. в газете «Литературная Россия». Тогда адресат писем – А. Н. Яковлев – был жив. Но он предпочёл промолчать. Однако история неумолимо делает тайное явным. И мы в силу возможностей обязаны, как думается,

способствовать этому процессу.

Символически неоконченная работа Георгия Куницына, действительно выдающейся личности нашего времени, – яркое доказательство очевидной истины: великие государства тоже способны погибать из-за индивидуального цинизма и подлости его лидеров. Из-за предательств даже на повседневном, бытовом уровне.

Владимир Куницын

Выражаю глубокую признательность «Российскому Фонду мира» за поддержку в издании книги.

Письмо-введение

Мой бывший единомышленник Александр Николаевич!

Твоя и моя жизни некогда сложились так, что, казалось, мы не могли не стать не только единомышленниками, но и друзьями. И всё же что-то этому многие годы мешало. Пока не дошло до острой противоположности в наших с тобой взглядах. И в делах. Теперь и вовсе непонятно, а зачем, собственно, скрывать друг от друга и от других людей то, что случилось реально вне нас и между нами. Тем более что и по старости нам обоим давно пора подвести итоги нашей бедовой жизни. Подвести их, разумеется, по совести. По святому долгу перед людьми.

Мне сегодня представляется наше дело так, что мы с тобой – два совсем разных типа личности. И в политике. И в собственной нашей этике. Надеюсь, это поможет понять читателю, что такова в её сути трагедия нашей российской истории. И такова также комедия и ирония её.

Попробую, не торопясь и не горячась, разобраться в этом. Не отходя в сторону от щекотливых нюансов. А их немало.

Как и всякий нынешний бескомплексный политик, ты пытаешься хотя бы только словами, но всё же опереться на принципы морали. Достойное стремление. Разумеется. Но какие они в их сути – эти твои на практике неуловимые принципы?

Реальные они или кажущиеся? Может, вовсе их и нет?

Ты, думаю, догадываешься, что у меня имеется, что сказать и тебе, и о тебе нашим современникам. Разговор наш, надеюсь, будет идти на уровне **взаимной исповеди**. В противном случае нужен ли он?

Впрочем, откроешься ли ты мне или нет – это сугубо твоё дело. Что касается лично меня, то мой ответ тебе – и есть вот эти мои горестные письма.

По ходу разговора требуется и такое пояснение: между моим первым (вводным) и последним письмом оказались как бы пока заштрихованными годы 1991–1996. Возможно, потом и ещё будут такие же годы и годы для их глубокого и верного **осмысления**.

Ежели кому-то и не понравится жанр письма для изложения столь сложных проблем историософии, то с этим придётся смириться. Поскольку мною давно написаны – в том же эпистолярном жанре – и самые крупные мои исследования истории Русской революции. Они ждут своего востребования... Они и дождутся его. Пора историософского невежества в России **кончается**. История Отечества нашего предстаёт перед нами теперь не просто чередой чудовищных событий, а всё же и как гарантия предначертанного спасения Земной цивилизации. К сожалению, именно это-то многими нашими современниками и не замечено! Куриная слепота...

Не любопытно ли, что наше национальное русское самосознание было буквально на лету взорвано «Философиче-

скими письмами» П. Чаадаева. Хотя эти его письма, в сущности, являются философской самодеятельностью. Взрыв в духовной сфере России тем не менее состоялся. Уже в тогдашнем русском обществе **неподъёмно** много скопилось несовместимых направлений мысли и дела.

А ныне их – и того больше! Дошла наконец и наша очередь до геополитики. Насупились россияне. Чуем приближение во времени и ещё большей сложности событий. Чуем, стало быть, и сусанинскую правду нашу.

Это и беспокоит. Святая Русь, но и мученица. В России святость в муках.

Всё заметнее происходит ныне многозначный крен русской мысли в сторону сложнейшего национального самосознания, в сторону новейшей геополитики, всё глубже врабатывается в проблемы не только Запада и Востока, в которых потерял чёткость социального мышления Н. Бердяев, но и в философские аспекты Космоса.

В этой расстановке тенденций западническая позиция П. Чаадаева превосходит дерзостью своей (не глубиной конечно!) всю западноевропейскую русофобию. Его одиночный выстрел прозвучал в Час Быка...

И всё же не мне отрицать непричёсанную, но яркую талантливость «басманного философа».

Меня сейчас более всего удивляет то, что ты (фактически) за линию отсчёта (более чем через столетие!) тоже принимаешь в России именно чаадаевскую несправедливость, кото-

рую тот потом мужественно и открыто сам же и отбросил. Именно **отбросил**. К этому нам ещё придётся возвращаться в процессе рассмотрения его «Философических писем»... Если успеем. Действительно – все по краю ходим.

Настораживает меня и то, что ты пытаешься в этих-то обстоятельствах удержать лично для себя явно особые условия: ты не намерен с кем-либо вести конкретный спор. Ты всё ещё считаешь для себя лично удобным без аргументов разделяться с чьими-либо концепциями, имена их авторов не называть... На что рассчитываешь? Широкой спины Политбюро больше нет.

Ты готов, стало быть, вещать, как прежде, но не убеждать! Это надо понимать так, что ты, хотя и числишь себя главным демократом, не собираешься и с ними быть на равных. Тебе хочется продлить своё положение властной неприкасаемости. Именно властной. В чём же в таком случае смысл идущих в стране стихийных преобразований?

Не **диктаторское** ли это пренебрежение в первую очередь к тем, кто честно и искренне ищет истину? А ищут её думающие люди.

К тому же не слишком ли надоевшее это само по себе явление – шевелящийся в ноосфере сегодняшней нашей страны бывший член Политбюро бывшей КПСС? Самого этого явления сегодня уже нет, но смрад от него всё ещё продолжает стелиться ковровой дорожкой.

Это-то и заставило меня изменить начальный смысл это-

го моего просветительского обращения лично к тебе. Перед тобой не просто обращение одного политика (точнее – политолога) к другому, а это также и почти неуловимая персонификация идей и взглядов **нас обоих** – взглядов на то, что же с нами происходит. Действительно – что?

В самом деле – куда несёт нас рок событий? Не перепрыгнул ли Павел Иванович Чичиков на большом ходу из птицы-тройки в тойоту или мерседес? Прямо на ходу. Кто-то и ныне торгует мёртвыми. И живыми. Кому же перешёл в рыночную собственность вишнёвый сад? Уцелел ли в годы безумств Егора Лигачёва?

Получается, наш сугубо российский Великий Инквизитор заблокировал собою замысловатые и неразгаданные лабиринты нашего общества и (особенно) растревоженного сознания его.

Кажется, я набрёл на предопределённость с нами случившегося. Впрочем, и об этом подробно – впереди.

Но какова же сама по себе оказалась тогда именно твоя с М. Горбачёвым конкретная **практика**? Чем она действительно **послужила** истерзанной России? Возведёт ли она своих адептов в XXI столетии на пьедесталы именно человеческого величия? И с чьей руки наконец перестанет существовать **насилие** над совестью и над самой жизнью нашей?

Думаю, ты и не будешь удивлён, что далее я предъявлю тебе именно исторический (в смысле – не рыночный) счёт. Кстати, его объективно предъявляет тебе и сам историче-

ский процесс. Благо, по терминологии М. Горбачёва, этот «процесс пошёл». Именно этот процесс. Знаете ли оба вы, чем ему теперь помочь? Какова социальная цена его? Потери наши огромные. **Преступно** велики, а ты заливаешься соловьём о своей «победе»...

Впрочем, твой Санчо Панса (догадываешься кто это?) увёртливо, но более чем намекает на то, что «перестроечный» российский Второй (т. е. ты), в сущности, выше Первого (т. е. М. Горбачёва). Тем самым и запущена общеимперская (всероссийская) утка о твоих мистических возможностях... Санчо указывает на тебя, как на явление Христа народу...

Ты находишься во власти нечаянной-негаданной эйфории (по поводу якобы чуть ли не единолично тобой разрушенного советского общества)... Захлёбываешься в своём личном счастье. Оно тебе будто с неба упало. А. Ципко сразу же в это поверил. И задудел в медные трубы. Для России такое и в шутивном-то литературном тексте не предполагалось. Не случайно же, что у нас до сих пор так и не появилось ни единой похожей на истину научной работы о трагедии. Всё ужасное воспринимается в России как трагедия... Да. Всё ужасное. Весь беспредел.

Между тем один из великих русских писателей давно и верно заметил: русский человек «наиболее красив в трагедии».

Но всякий ли просто несчастный из нас высок духом? И

всякий ли высокий духом несчастен?

Аристотель на заре истории с обезоруживающей простотой и спокойствием сообщил человечеству: хорошие люди – герои трагедии; а люди плохие – действующие лица мировой комедии...

Мне, вечному изгою, придётся наконец проникнуть в самые глубины лично твоей идеологии. Не только твоей. Моей тоже. Хотя я не могу и видеть опошления и вероломного уничтожения самого уважения к людям в России. Вот и решил попытаться – в твоём и своём лице – увидеть и осмыслить наше с тобой действительно запутанное бытие. Осмыслить революцию в России так же и как иронию нашего собственного Отечества.

Иронию – стало быть – самой истории!

Остроумный Г. В. Плеханов назвал историю «ироничной старухой». В дальнейшем отдельно остановлюсь на этих демонических моментах. Они тревожно глубоки. Чёрный омут – в страшном сне. Чёрный и опыт.

Надеюсь, мне и тебе, по милости Всевышнего, всё же удастся избежать хотя бы теоретического терроризма...

Надеюсь, станет ясным и то, что у нас в стране ныне называется... демократией. Многие озабочены тем, как точнее перевести это слово на русский язык... Чья это власть? У народа её нет...

Сам жанр моего письма, в сущности, элементарно общечеловечен. Сам жанр. Глубокий это поклон памяти тех, кто

способен на диалог с Вечностью. И для этого найти бы сколько-нибудь адекватную форму суждений на фоне твоих столь радостных заявлений о том, что, развалив многострадальное советское общество, ты чувствуешь себя явно и нормально счастливейшим человеком... И всё это – на фоне кладбищенской России. И всё это – на фоне неограниченной **духовной опустошённости**.

Кто нас, однако, спасёт? Интеллигенция? Во главе с тобой?

И тут-то возникает очередная ситуация духовного взрыва российского национального самосознания. «Каженный раз на ефтом самом месте»... Т. е. вновь и вновь приходит к нам Пётр Яковлевич... Соответственно эпохе названный в меткой эмигрантской русской прессе «басманным философом».

Философ в масштабе Басманной улицы в Москве?.. Впрочем, Чаадаев оказался смел **абсолютно**. Это громко трагическая натура.

От продолжения экзекуции русской истории он позже всё же отказался – в статье «Апология сумасшедшего». Но многие у нас в России **отказа Чаадаева от Чаадаева** не приняли... И ныне не принимают. Вероятно – и не примут.

Можно удивляться, насколько цинично – ты и Горбачёв – пренебрегли тем, что называется национальным вопросом. И особенно той его частью, которая называется «русской идеей». А казалось – будто и здесь что-то изменится к лучшему.

Надеюсь, ты не забыл, что всё-таки пригласил меня к себе на Старую площадь, в начале марта 1988 года. Сославшись на то, что пригласил меня по делу, причём и от имени М. Горбачёва. Ты высказал мне просьбу: изложить свои позиции и фактологию по национальному вопросу. Именно для Политбюро ЦК КПСС. Работа эта была мною сделана. Но она тогда же словно в воду канула... Между тем кавказские войны тогда уже зловеще разворачивались.

У тебя же и у М. Горбачёва не оказалось необходимо верной программы ни для Карабаха, ни для Абхазии. И всех наций вообще. Не оказалось – и всё. В частности, и для самой России тоже...

Знакомая ситуация? До слёз. Значит, нет тайны в том, что М. Горбачёв и ты всё-таки затеяли импровизированную перестроечную свару. **Вслепую!** По известному бонапартистскому способу: «Сначала вязаться в большую драку, а там видно будет». И вязались! А драться не умеете... Людей **не жалеете**. Впереди себя под пули пустили детей, женщин и стариков... Принуждённо! Политические евнухи.

Разве не к этому свелись ваши явно бонапартистские действия? Но ты даже и это злодеяние поставил себе в заслугу: мол, времена-то действительно меняются и думать всем приходится «по-новому». «Долой старые идеи и позиции!» – воскликнул ты и выбросил из своего лексикона идеи, которым вчера поклонялся.

Выбросил и идеалы свои, и имена вчерашних кумиров.

Но – оказалось – не их реальную **практику!** Тут ты и попался на удочку коварной иронии истории. Многие из нас оказались героями исторического фарса, а не великой страданиями России трагедии.

Впрочем, к действию роковой этой триады (трагедии, комедии, иронии истории) я ещё буду обращаться в дальнейших письмах к тебе. С этого и начнётся мой разговор с тобой в самом первом из них. Письма мои к тебе на стол ложатся не по строго хронологическому принципу, а по логике их содержания.

Национальный вопрос – это некогда добрая наша слава, а ныне это самый большой и самый выраженный позор России. Ясно, что тут не Россия сама по себе виновата, а **власти** её, которые сумели навязать ей чуждые формы жизни. Страшной нашей почти весь XX век – от чужого имени – управляли или фанатики, или бездари, или те и эти вместе.

В скрещении судьбоносных тенденций и предстало никем не контролируемое место для тебя.

В твои «выдающиеся» организаторские способности в масштабе такой страны, как Россия, я лично никогда не верил, но факт есть факт: по должности своей ты в общей суматохе занял именно это ключевое место. Произошло между прочим то, что и произошло: страна действительно ждала своих героев и вот нашла – что называется – топор под лавкой... Пришёлся ко двору ей не деятель, не строитель, не старатель, а мастер **разваливать**. Впрочем, в данном же

случае никто не устраивал продуманного развала. Взяло и само развалилось. Кое-кто в этом и усмотрел связь **твоею** с Высшими Силами... А. Ципко представил тебя даже и самим Посланцем Бога. Но, конечно, он имел в виду не Воланда, не дьявола, а Промысел христианского Божества...

Любопытны и детали. Когда развал советского образа жизни закончился, ты оказался фатально рядом с танком, на котором тогда судьба действительно возносила Б. Ельцина. И дальше этого уже не надо было и разваливать. Надо было именно строить. А этому ты не обучен. Ты больше на подначках... Обе руки с кукишами в кармане...

И возникла проблема – куда теперь-то определить А. Яковлева – перебежчика, который так недавно, как и все члены ЦК КПСС старого состава, осуждал Б. Ельцина. За то, за что его тогда возносил народ.

Может, и не все уловили твою увёртливую самоиронию, однако на этот раз она была искренней. Ты сказал с экрана, что от твоего назначения главою телевидения и до твоего будущего снятия с этого коварного поста – наикратчайшее расстояние...

Но ты всё равно пошёл на этот пост. Хотя и знал, что судьба личная твоя оказалась вновь ничем не защищена. Фарс и трагедия в ней поменялись местами. И теперь и сам ты лично ничего изменить в этом не мог. А сама неизбежность эта была оформлена почти художественно: телевизионщики ничего плохого не стремились для тебя сделать, но они снима-

ли каждый твой шаг и позу. На всякий случай. Ничего более беспощадного для тебя ранее я не видел, чем эта царственная мышеловка.

Есть в ней фатальный кадр: на экране – только половина твоей фигуры. Причём со спины. Появился и проплыл акцент телекамеры на том, что твоё ухо – большое... И ловит оно судьбоносные сигналы приближающихся событий.

Высокий это шарж... Символический.

И всё же, к примеру, в отличие от Алексашки Меньшикова в Берёзове, ты лишён природного величия.

Впрочем, я не до конца уверен, что оба мы с тобою достаточно критично смотрим на самих себя. Ирония нас не отпустит. Но и в самом деле судьба наша – во власти иронии истории. Всесильна и беспощадна её кара.

Кстати, мы тогда наперегонки шли с тобой, буквально параллельно друг с другом. Ты заведовал в ЦК КПСС сектором телевидения, аз грешный – сектором кинематографии. Потом я вёл подотдел кинематографии. А потом и оба с тобой мы почти одновременно стали заместителями заведующего отделов ЦК – ты в Агитпропе, я в отделе культуры. Сейчас я напоминаю лишь о том, что телевидение в 60-е годы (под гнётом лично твоей политической цензуры) еле ползло. Как раз лучшие отечественные кинофильмы ты и Н. Месяцев **не пускали** на телеэкран. В сущности, в этом и проявила себя наша Великая Инквизиция на наш отечественный манер.

Об А. Яковлеве тогда мало кто и знал. Тем более в поло-

жительном плане. Оба вы с Месяцевым меня, опального, заключили в рамки домашнего ареста.

Теперь я знаю, что именно ты (в согласии с Е. Лигачёвым) перекрыл мне все пути к рычагам горбачёвской и твоей перестройки.

В связи с этим я вернусь к первому твоему возвышению над Российским Телевидением. В 1963–1972 годы. Тогда уже смутно чувствовался подвох в самих событиях. Я вижу теперь в тебе классический тип современного последователя Никколо Макиавелли, дополненный сходством с наибольшими хитрецами поздних времён... К этому надо добавить, что всё это корректировалось твоей огромной способностью к социальному самосохранению.

Это на сегодня мною, насколько возможно, исследовано и, надеюсь, будет опубликовано когда-то полностью. Может быть, и при моей ещё жизни. Сейчас такое маловероятно.

Понятно, что речь обязательно пойдёт и об **альтернативных** путях развития России. Без какого бы то ни было страха. Но и без ложной скромности. Я вижу и защищаю в нашем с тобой споре альтернативу, разработанную мною. Поэтому и сопоставляю её с твоим кружением по лабиринтам профессионального обмана. И с твоим притворным невежеством в проблемах, за занятия которыми ты получал неплохую зарплату. И плюс к тому государственную милостыню – в натуральную её величину. Названную «Кремлёвкой». Включая и автомобиль.

Да, Саша. Исповедь есть исповедь. Разве не так?

Впрочем, теперь-то ты мне и не Саша. Это между прочим при всём том, что я и теперь не могу представить тебя в качестве государственного предателя, о чём недавно появились публикации контрразведчиков. В отношении тебя, полагаю, несомненно существует презумпция невиновности. Я рассматриваю тебя и себя теперь именно как альтернативы к самим судьбам России. Поэтому прямо и заявляю: да, теперь я чётко вижу, что идейно ты уже в те ранние годы был моим противником. Теперь мне ясно, что с тобой мы с какого-то момента фактически стали противниками и по отношению лично друг к другу. Это всё так или иначе доказывает тот факт, что идейное и нравственное расслоение неизбежно пришло и в тогдашнюю партийную номенклатуру. На Старой площади, можно сказать, под боком у Брежнева и Суслова появились – в начале 60-х годов – **взаимоисключающие** тенденции в понимании судеб России.

Действительно: ранее весь аппарат этот выполнял только и только **запретительную** и тупую функцию, особенно в сфере создания **художественной** культуры. Строго соблюдалось это и тобою, хотя высшему начальству ты, вероятнее всего, и тогда уже показывал кукиш в кармане. Поэтому «твое» тогдашнее (особенно в художественных жанрах) ТВ играло особую роль в том смысле, что оно само собой отбивало охоту у множества миллионов людей принимать такое ТВ всерьёз. Но именно такое ТВ и было ранней формой дис-

кредитации прежде всего самого себя и накопления энергии развала для приближающейся «перестройки».

Получается, что я, по крайней мере, обнаружил это (а вернее – осознал) позже, чем это случилось. Сработала всё-таки моя первобытная наивность. Правда, она же и многое объясняет в моей тогдашней деятельности.

Вот теперь и взглянем на то, чем занимался в те же 60-е годы пишущий эти строки.

Занимался я, получается, совсем **не тем, чем ты**, Александр Николаевич. Пусть же читатели наши хотя бы теперь определяют, кто из нас с тобой и какое отношение имеет к понятию российские «шестидесятники» XX века. Я сильно поражён был, узнав правду о тебе: я увидел по телевидению (и не однажды), как, не сильно смущаясь, ты подтверждал в своих интервью желательный для тебя и для средств массовой информации «факт», что ты якобы вообще был главным российским шестидесятником. Неужели ты надеешься на то, что удастся утверждать столь явную ложь? Ведь ты же тогда был никто для людей из сферы реальной оппозиции. И это я в этой книге писем тоже раскрываю. Загадки и Канады, и Чехословакии, и тем более загадки самого Агитпропа в связи с тобой не существует.

Да её и ранее не было для тех, кто отличал верную информацию от неверной.

Не сделаю очередной глупости умолчания об обстоятельствах только из-за того, что они касаются и меня. Кое-что

из этого ряда фактов и событий выношу для сведения и тех, кто заинтересованно прочтёт моё сегодняшнее начало полемики с тобой, баловнем ночных путешествий по тропинкам дьявола.

Если обозначить лишь самую суть моего конфликта с брежневско-сусловским ЦК, то придётся обратиться также к фактам, которые ныне известны уже только единицам. Они, однако, чрезвычайно важны для понимания наших с тобой расхождений уже в 60-е годы. Что же касается меня лично, то был это именно мой «звёздный час». В сущности, это и была та **альтернативная** позиция, которая была бы (ещё и будет!) принята российским обществом, если бы именно она стала достоянием великороссов.

Напомню тебе некоторые из наиболее характерных ситуаций.

В 1966 году, в сентябре, мне было предложено написать проект очередного постановления ЦК КПСС о состоянии дел в советском кинематографе. Естественно, критическое. С элементарными кадровыми выводами о том, что тогдашний председатель Государственного комитета кинематографии СССР Романов А. В. не справляется с обязанностями. На пост, занимаемый им, было предложено пойти мне. Неожиданно для меня, но всё же как бы и естественно. Ведь перед тем, как я стал (в 1965 г.) заместителем заведующего отделом культуры ЦК, я в течение трёх лет был заместителем заведующего подотделом кинематографии. Заведовал

тогда им тоже Романов. Он был и министром кинематографии. Короче, я, не откладывая, согласился пойти на Госкомитет кинематографии.

Однако тут же и пришлось от этого отказаться. Ибо мне, как автору разрабатываемого проекта постановления ЦК, поручалось обозначить тогдашнюю оппозицию, якобы действительно сознательно имеющую место в творчестве советских кинематографистов. И были названы имена их. Я ушам своим не поверил, услышав это.

В названном крамольном ряду оказались, ясное дело, наиболее талантливые.

И что же им вменялось в вину? У меня и сейчас кровь стынет в жилах при вспоминании об этом. Главная формула М. Суслова звучала так: «В советской кинематографии сложилась влиятельная группа режиссёров, осуществляющая идеологическую диверсию против партии...»

Не любопытно ли, что всего лишь за неделю до этого я одобрил и принял по самому высшему классу, несомненно, самый «крамольный» тогда фильм «Андрей Рублёв»... Фильм этот был официально запрещён вскоре после моего ухода из аппарата ЦК... Об этом ещё будет разговор в дальнейшем. Делаю заявку на творческую необходимость его. Важно, чтобы такой разговор состоялся. Образованные люди России должны знать о столь значительных феноменах духа. Сейчас продолжу, в частности, и о моей личной судьбе. Тогдашний ЦК, как ты знаешь, стал в то время уже не осо-

бенно обращать внимание на то, о чём человек действительно думает в тайне, а много больше на то, какова его **практика**. Особенно в сфере духовной культуры. В чём и как он себя проявляет. Поэтому и не был неожиданным мой отказ от официально продиктованных тогда мне позиций. Впрочем, позже, в течение двух десятков лет, Ф. Ермаш действительно сделал их **способом удушения творчества** наиболее ярких личностей в советском кинематографе.

Получается, что я действительно сам отверг себя (в 1966 г.) от назначения министром кинематографии СССР. Зато до этого (в 1963–1966 гг.) мне удалось способствовать естественному расцвету отечественной кинематографии. Горд я этим на всю оставшуюся мою жизнь.

Суди, впрочем, сам. Незадолго до преждевременного ухода в мир иной величайший актёр века (без всяких эквивалентов) Иннокентий Смоктуновский сказал с телеэкрана на весь земной шар, что он знал из тех, которые функционировали в ЦК КПСС, только одного порядочного человека, кто действительно занимался проблемами искусства смело и честно, т. е. профессионально. И Смоктуновский назвал меня одного! Знал он, что я, не обращаясь к кому-либо за чужим авторитетом, решал проблемы сам. Без страха. Как надо.

Ведущий «Кинопанорамы», известнейший ныне режиссёр Э. Рязанов, он же и режиссёр-постановщик выдающегося фильма «Берегись автомобиля», о злключениях которого шла речь с телеэкрана, с готовностью присоединился к

утверждению И. Смоктуновского и добавил, что фильм «Берегись автомобиля» не был бы сделан и, ясное дело, на экраны вообще не вышел бы. Э. Рязанов, разумеется, помнит, что этот фильм уже и на стадии литературного сценария оказался непроходимым.

Сначала мне удалось помочь опубликовать его, и тогда дошло до того, что перестраховщики в аппарате ЦК и в Госкино стали придираться даже и к выбору актёров. Не безумие ли это – помешать сниматься И. Смоктуновскому, О. Ефремову, А. Папанову?

Моей причудливой судьбе было угодно участвовать и в судьбах многих других гениальных и просто талантливых произведений искусства Мастеров, попадавших в беду из-за своей безущербной честности и бескомпромиссности.

В начале марта 1963 года в Свердловском зале Кремля (помнишь ли?) состоялась очередная встреча руководителей Партии и Правительства «с представителями творческой интеллигенции». И на этой двухдневной взаимной встряске (да, именно взаимной) Н. С. Хрущёв внезапно подверг безудержному разносу фильм Марлена Хуциева и Геннадия Шпаликова «Застава Ильича». Фильму были предъявлены сугубо политические даже и не требования, а именно обвинения. Я тоже тогда ещё не во всём хорошо разобрался, а поэтому – по просьбе помощника Хрущёва – высказал своё отношение к «Заставе Ильича». Там были и критические замечания, но отнюдь не в духе политических устрашений, а на

уровне диалога представителей власти и искусства. Диалог этот, считаю, тогда именно и начинал быть желаемой нормой во взаимоотношениях художников и политиков страны.

На этот раз Н. Хрущёв не просто неожиданно, а именно внезапно пустил в ход своё личное **своеволие**. Он обозначил свою позицию как **диктующую** по отношению к **искусству**. Фильм «Застава Ильича», один из самых выдающихся свершений отечественного и мирового кинематографа, был поставлен на полку. И, кажется, никто и не ожидал, что уже в ближайшее время что-то серьёзно изменится в судьбе фильма и режиссёра. Ранее запрещённые фильмы обратно с полки тогда ещё не снимались. А при Сталине таковые нередко и просто уничтожались – в самом буквальном смысле этого слова. Смывались с плёнки. Новейшее это открытие ещё одной формы насилия над процессом художественного развития.

Примерно через две недели после этого я был назначен (тоже внезапно) заместителем заведующего только что созданного подотдела кинематографии. Создан он был в составе огромного идеологического отдела ЦК, составленного из трёх гуманитарных отделов – Агитпропа, отдела науки и отдела литературы и искусства. Действительно новым здесь оказался лишь подотдел кинематографии.

Было подчёркнуто самим его созданием, что кино в самом деле «самое важное и самое массовое из искусств». Им надо жёстко управлять, а не ограничиваться разговорами ап-

паратчиков об этом.

Это вот обстоятельство и надо учитывать ныне, когда говорим о том, почему Н. Хрущёв на встрече с высоким словом творческой интеллигенции в марте 1963 года так тяжело навалился на деятелей киноискусства, что они и ахнуть не успели. Первыми под руку ему попали молодые тогда М. Хуциев и Г. Шпаликов, а из старых С. А. Герасимов – их художественный руководитель на студии имени А. М. Горького. Один из крупнейших кинорежиссёров XX столетия. Художник-мыслитель. Умница в прагматике.

Нельзя сегодня не учитывать и такой факт: перед встречей 7–8 марта 1963 г. ЦК КПСС принял ошеломительное решение о ликвидации Союза кинематографистов (на стадии успешной деятельности его Оргкомитета). Второго марта 1963 года, буквально накануне встречи в Свердловском зале Кремля, секретариатом ЦК, в отсутствие Н. Хрущёва, в присутствии легендарного тогда И. А. Пырьева, С. Герасимова и С. Юткевича, было совершено действие открыто **реакционного характера**: закрыть всякую демократию в кинематографе.

Но главный автор этого политического сюжета был сам Н. Хрущёв. Потому-то он и не вёл сам заседание Секретариата (не пришёл на него): ему надо было иметь в резерве своё личное слово по столь острой проблеме. Для этого ему лично и потребовалось обязательно предварительно встретиться с наиболее яркой творческой элитой.

Глава КПСС и СССР вовсе не каждый раз представлял человеком крайностей. Когда надо было кого-то перехитрить – он этого обычно добивался. И на сей раз наш тогдашний лидер тоже схитрил! Он подставил Секретариат ЦК КПСС тем, что предварительно согласился с его решением о закрытии Союза кинематографистов СССР. К тому же фактически тогда уже созданного! Осталось лишь собрать учредительный съезд Союза кинематографистов.

Я сидел тогда в зале заседаний этого Секретариата ЦК. Все основные документы о необходимости создания Союза кино были написаны, между прочим той же самой рукой, которая сейчас выводит эти строки для тебя. В моей папке лежали мной написанные, но противоположные по смыслу хрущёвским предложения относительно кино. Моя судьба такая.

В дальнейшем мне ещё не раз придётся вернуться к этому многозначному заседанию в ЦК, где состоялся, кстати, великолепно яркий идейный бой неистового Ивана Пырьева и Сергея Герасимова (С. Юткевич не выступал) с Флором Козловым – в партии вторым тогда лицом после Н. Хрущёва.

Стало достаточно ясно: назревает очередной кризис сознания нашего Советского Союза. По крайней мере – сознания российского. А ещё острее – тогда не увиденный кризис самой КПСС.

Оказалось, это вовсе и не кризис искусства! А это был подъём его! Поскольку оно стало оппозиционным – на этот

раз действительно по отношению к самому советскому образу жизни. Т. е. искусство наше становилось действительно самим собой... Именно такое искусство тогда и стало восприниматься как «ум, честь и совесть эпохи», а не КПСС. В этом всё дело, бывший коллега.

Но трагедия есть трагедия: Н. Хрущёв начал в это же время переход на противоположные ему, на консервативные рубежи в политике. Особенно в руководящем воздействии на творческую интеллигенцию. Впрочем, то же самое происходило и в других сферах власти.

Вместе с тем Хрущёв оставался ближе других членов Политбюро к призрачному российскому либерализму. Вскоре выяснилось, что он и сам лично был в хитрой ловушке... Ввалился в неё, как мамонт.

Однако вернёмся к М. Хуциеву и Г. Шпаликову. Они в то время не осознавали, что и являются оппозицией к самому тогдашнему образу жизни. И всё же оппозиция не диверсия, а напротив – **нормальное состояние** искусства. Более того, М. Хуциев и Г. Шпаликов – да и С. Герасимов – были уверены, что вершат свои дела на благо народа.

Любопытно, что и я был в составе этой же оппозиции. По объективному её смыслу. Не осознанно. Такова и была тогда позиция реального гуманизма.

Поэтому, когда фильм «Застава Ильича» был «исхлѣстан и распят», а перед тем за несколько дней был закрыт создававшийся Союз кинематографистов, я почувствовал в из-

вестном смысле «распятым» и самого себя.

И тогда пришлось учиться понимать нашу жизнь решительно по-иному. Это понимание я изложил потом в книге «Политика и литература». По твоей просьбе я передал её тебе через И. Черноуцана. В 1973 году.

В таком историческом контексте оказались тогда М. Хуциев и Г. Шпаликов. И все те, кто стремился к настоящему искусству в условиях господства всеобъемлющей цензуры. Конфликт искусства с властью тут был предопределён.

Хотя тогда я ещё достаточно ясно не осознавал всего этого, но интуитивно, что называется, просёк суть проблемы. «Заставу Ильича» смотрел не однажды. Искал конкретные возможности спасения фильма, действительно судьбоносного для искусства. Создатели фильма между тем переживали тяжкое чувство безнадёжности. При том, что собственная их позиция предельно ясно заявлена ими даже в названии фильма «Застава Ильича»... Поколения меняются, а их застава остаётся ленинской. Таковы были самые ранние симптомы того, что случилось с нами теперь, через двадцать лет.

Где-то в начале мая 1963 г. я пригласил к себе М. Хуциева. Ранее с ним почти не был знаком. Но видел его ранний фильм «Весна на Заречной улице». Льва узнают по отпечатку лапы... Отпечаток был явно львиный.

М. Хуциев, придя ко мне по моей просьбе, заявил, что не видит выхода из создавшейся ситуации, ибо сделал фильм по своему глубокому убеждению. Получалось: и здесь по-

ложение тупиковое. Тогда я предложил ему (пока ни с кем не согласованное) следующее продолжение рокового сюжета: пусть М. Хуциев и вся его группа всё же возьмут фильм «Застава Ильича» на доработку, а мы (подотдел кинематографии ЦК) обратимся к Н. С. Хрущёву за разрешением на неё, а значит – и с просьбой финансовой. Я дал понять М. Хуциеву, что надо непременно нейтрализовать прежде всего предубеждение людей верха. Не губя своего искусства. Он согласился не очень радостно с идеей доработки, считая не без оснований, что фильм отшлифован им до предела. Но согласился, и я написал от подотдела Н. С. Хрущёву обоснование необходимости спасения фильма «Застава Ильича». И Хрущёв дал согласие на это, думаю, с облегчением.

Как и предполагалось, острота творческой проблемы уменьшалась от самого факта, что фильм дорабатывается самими его создателями.

У Леонардо да Винчи есть суждение: тот не мастер, кто не способен после окончания произведения добавить хотя бы ещё один мазок... Резко сказано, но в принципе – это верно. Хотя и есть мастера, которые считают себя не вправе прикасаться к своему произведению более никогда. Этого мнения придерживался и М. Хуциев. Когда мы с ним беседовали в первый раз, я предложил ему, что в данном случае всё же надо попробовать найти достойный выход. Речь-то идёт именно о спасении фильма. К тому же ни одной поправки в этот фильм не будет предложено властью. Политический

аспект, стало быть, отпадает... Деньги на доработку выделит государство.

М. Хуциев наконец взялся за доработку. Вышел он из ситуации и в самом деле достойно. Нашёл такие коррективы, которые по меньшей мере не снижают художественных достоинств этого чрезвычайно многозначного произведения. Хорошо и сегодня помню эти действительно мастерские коррективы.

Тут между прочим есть и свои важные нюансы. М. Хуциев вернул фильму название сценария Г. Шпаликова «Мне двадцать лет». Никто тогда и не заметил, как много это собой означало: замена «Заставы Ильича» на «Мне двадцать лет». А означало даже очень многое. Отпадала возможность предъявлять к фильму политические претензии. Тем более что в фильме этом и нет политических деклараций. Далее. Фильм был синтезирован с другой музыкой. Другая эта музыка, менее грустная, создавала и иное настроение. Оно, такое мироощущение, существует и тогда существовало в обществе нашем. Наконец был заменён актёр, играющий роль отца главного героя. И всё!

Настаиваю и сегодня, когда могут свободно идти и тот, и другой фильмы, – настаиваю, да, настаиваю на том, что обе редакции выдающегося произведения М. Хуциева лишены какого бы то ни было приспособленчества. Вот в чём здесь скрепляющий ситуацию гвоздь...

Такие-то дела, Александр Николаевич. Мне доверитель-

но говорили, что Хуциев в полной растерянности от несправедливой и сокрушительной критики его Н. Хрущёвым, что он может покончить с собой. Ныне же он едва ли не самый большой авторитет в современном кинематографе.

Ныне же и многое другое стало более очевидным, чем тогда. В частности, и то, что вовсе не сами по себе М. Хуциев и Г. Шпаликов заслуживали критики своего, несомненно, талантливого фильма (со стороны партийного и государственного верха), а именно сам верх начал метаться из крайности в крайность. Верх явно чувствовал, что назревает для него нечто внерациональное в самой нашей эпохе, но не мог понять отчего.

Так начиналась деятельность моя на ниве кинематографии – с первых же дней 1963 года. До конца 1962 года (этого, надеюсь, ты не забыл?) мы оба с тобой функционировали в качестве инструкторов Агитпропа ЦК: ты – в секторе центральных газет, а аз грешный – в секторе центральных журналов и издательств. И я убеждён, что тогда, кроме Сталина и Берию, мы с тобой других виновников в тогдашних бедах России не видели. Забегая вперёд, скажу: теперь-то ясно, что самый первый крупный шаг к судьбоносным переменам был сделан. Не кем-то другим, а Н. С. Хрущёвым в его в полном смысле исторически дерзком докладе о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Кажется, в этом пункте наши с тобой углы зрения и были близки в то время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.